

Глава 13. Если не удержишь, я уйду

В комнате царила глубокая тишина.

Сюэ Бэйван молча смотрел на Бай Чэнцзюэ. Неловкость между ними сгустилась настолько, что Сяо Муцзы почувствовал: ещё немного, и он просто задохнётся в этой удушливой атмосфере.

Бай Чэнцзюэ полулежал на постели. Опустив голову, он тихонько закашлялся, и Сюэ Бэйван тут же бросился к нему, порываясь придержать за спину.

Однако первый красавец не выказал и капли снисхождения. Он демонстративно отстранился, уклоняясь от прикосновения, и широкая ладонь Бэйвана безвольно зависла в воздухе. Мужчина обиженно воззрился на Чэнцзюэ — точь-в-точь выброшенный на обочину бездомный пёс.

— Цзюэюй... — виновато пробормотал он.

— Как только раны затянутся, я уйду, — холодно обронил Бай Чэнцзюэ.

— Угу, — только и смог выдавить Бэйван.

«Сто способов удержать неприступного красавца... Тысяча и один вариант вымолить прощение...»

В голове Бэйвана царил полнейший сумбур. Глядя на безучастное лицо Цзюэюй, он робко, словно напроказивший ребёнок, потянул его за край рукава. Но тот безжалостно высвободил ткань, снова отодвигаясь подальше.

Бэйван, от природы не отличавшийся красноречием, совершенно потерялся. Ему оставалось лишь преданно и жалобно смотреть на Чэнцзюэ.

— Если моё присутствие в тягость, я могу уйти прямо сейчас, — тихо произнёс Чэнцзюэ.

Опершись о край ложа, он попытался подняться, но внезапно побледнел и, бессильно опустившись обратно, зашелся в мучительном приступе кашля.

Едва восстановив дыхание, он поднял глаза и увидел застывшего рядом Бэйвана. Тот переминался с ноги на ногу, не смея прикоснуться, и лишь глуповато держал раскрытые ладони перед грудью Чэнцзюэ, словно страховал его от падения.

— Что? — насмешливо прищурился Чэнцзюэ. — Так не терпится поймать меня, если я не

удержусь и упаду к тебе в объятия?

Бэйван смущённо отдёргнул руки.

— Ну что ты! Уверяю, у меня и в мыслях не было ничего дурного!

Бай Чэнцзюэ лишь холодно усмехнулся:

— Вот и славно.

Разговор снова оборвался. Атмосфера в спальне стала ещё более натянутой.

Бэйван лихорадочно соображал. Осыпать Цзюэю похвалами? Но тот наверняка сочтёт это за фальшь и лесть. Сказать что-нибудь красивое и ласковое? С его-то косноязычием он только всё испортит — разозлит больного до такой степени, что тот уйдёт, преодолевая слабость.

— Прости... Мы с Муцзы не знали, что ты ещё не уснул. Те глупости, что мы наговорили...

— Что касается тех разговоров, — безжалостно перебил его Бай Чэнцзюэ, — молодой господин Сюэ, помнится, и пальцем не пошевелил, чтобы защитить моё доброе имя.

— Потому что... даже если бы ты меня обманывал... — Бэйван горячо подался вперёд. — Если это доказывает, что во мне есть хоть какая-то ценность, ради которой ты готов остаться, — я приму любой твой обман.

Слова вылетели прежде, чем он успел подумать. Осознав, как двусмысленно это прозвучало, Бэйван испуганно перехватил тонкое запястье Чэнцзюэ и затараторил:

— Нет, я не то хотел сказать! Я вовсе не думаю, что ты лжёшь мне!

— Вот как? — Бай Чэнцзюэ в очередной раз высвободил руку. На его губах заиграла улыбка — безупречно мягкая, но леденяще-далёкая. — Иначе, полагаю, вы ещё до моего выкупа из Терема Сотни Цветов заподозрили бы меня в корысти. Тогда, в борделе, вы изо всех сил пытались от меня откреститься. Это я, глупец, не понял ваших опасений и продолжал навязываться. Простите мне мою назойливость и недостойное поведение.

Слова Чэнцзюэ, точно острые иглы, заставили Бэйвана задохнуться от собственной беспомощности.

Ему безумно хотелось оправдаться, но факты говорили сами за себя: сначала он поспешил отгородиться от Цзюэю едва ли не в день выкупа, а стоило тому поселиться в его доме, как

они с Муцзы принялись шептаться у постели раненого, ставя под сомнение его искренность. Одно наложилось на другое, и теперь любое оправдание выглядело жалкой ложью.

Он посмотрел на Чэнцзюэ уставшими, полными отчаяния глазами.

— Я... всё совсем не так... — выдавил он из себя.

Лицо Бэйвана залила густая краска стыда — впервые в жизни он так откровенно сгорал от неловкости перед кем-то. Он не был глупцом, но сейчас, под этим холодным взглядом, всё его красноречие испарилось. Язык заплетался, слова застревали в горле, и Бэйван готов был проклясть собственное косноязычие.

— Я... правда... всё не так... В прошлый раз... я просто... Не знаю, как объяснить, но это моя вина! Кругом моя вина...

— Значит, признаёшь, что виноват? — прервал его Бай Чэнцзюэ.

Бэйван не смел присесть на постель. Он опустился на корточки прямо у ложа, крепко ухватившись обеими руками за деревянный край, и преданно заглянул Чэнцзюэ в глаза:

— Виноват. Во всём виноват.

Бай Чэнцзюэ медленно потянул за край нижней рубахи, приоткрывая тёмные синяки на груди, а затем закатал рукава, обнажая иссечённые ссадинами предплечья. В его глазах, подёрнутых влажной дымкой, застыла такая немая мольба, что у любого наблюдателя дрогнуло бы сердце.

— Болит, — тихо пожаловался он.

У Бэйвана болезненно сжалось сердце. Он осторожно, боясь причинить новую боль, взял Чэнцзюэ за руку и принялся бережно растирать кожу вокруг ушибов.

— Моя вина, — сокрушённо шептал он. — Прости меня.

— Я всё понимаю, — печально отозвался Чэнцзюэ. — Я лишь выходец из весёлого дома, человек низкого звания. Неудивительно, что все видят во мне корысть. И ты не обязан меня защищать.

— Нет! — горячо возразил Бэйван. — Отныне, если хоть одна собака посмеет распускать о тебе слухи, я лично заставлю её замолчать. Кто пальцем тебя тронет — из-под земли достану и хребет переломаяю!

Бай Чэнцзюэ едва заметно улыбнулся, и его взгляд наконец смягчился:

— Раньше, когда тётушка Лань наказывала меня и всё тело ныло, мне всегда помогали сладости из Лавки сладостей «Запад города».

Бэйван тут же вскочил на ноги:

— Лавка сладостей «Запад города»? Я мигом! Всё куплю!

— А если ты уйдёшь, — негромко остановил его Чэнцзюэ, — кто тогда будет баюкать мою боль?

Бэйван криком позвал Сяо Муцзы, велел ему немедленно отправляться на западный рынок, а сам снова опустился на колени у постели, усердно и бережно растирая затёкшие плечи Чэнцзюэ.

Появившийся на пороге слуга с недоумением взвесил на ладони кошель с монетами.

— И какие же сладости изволит откусать молодой господин Цзюэюй? — ворчливо спросил он.

— Купи всё, что там найдёшь, — не оборачиваясь, бросил Бэйван. — Каждого вида по штуке.

— Помилуйте, господин, мы не в царстве Чэнь, и бездонной казны за нашей спиной нет!

— Мне повторить? — в голосе Бэйвана звякнула сталь.

Сяо Муцзы понуро опустил голову, сердито звякнув монетами в мешочке.

«Какая непростительная глупость! — мысленно сокрушался он. — Разве три тысячи лянов уберегут этот кошелёк от полного разорения, раз его хозяин так безрассудно сорит деньгами?!»

Муцзы всегда считал своего господина суровым праведником, чуждым плотских утех. И лишь сегодня осознал простую истину: Бэйван оставался равнодушным лишь потому, что до сих пор не встречал истинной красоты.

Уже выбегая во двор, слуга в сердцах процедил сквозь зубы:

— Потерял голову от смазливового личика!

Бэйван запустил сапогом в захлопнувшуюся дверь, а затем вновь повернулся к Чэнцзюэ,

напустив на себя обиженный вид.

— Я пытался его проучить, да не попал.

Бай Чэнцзюэ тихо рассмеялся:

— Вижу. Ладно тебе, не ютись на полу, присядь рядом.

— Угу.

Бэйван послушно примостился на краю постели и вновь принялся аккуратно массировать пострадавшие руки юноши.

— Что стало с теми людьми? — как бы невзначай поинтересовался Чэнцзюэ. — Их передали страже?

— Мертвы, — коротко отрезал Бэйван.

Бай Чэнцзюэ, разумеется, прекрасно знал ответ, но умело разыграл испуг. Он резко вскинул голову и крепко сжал широкую ладонь Бэйвана, прижав её к своей груди — так, чтобы тот отчётливо ощутил частый, трепетный стук его сердца. Никаких притворных вздохов и дешёвого кокетства. Ни единого лишнего вопроса об участии разбойников.

Выждав мгновение, Чэнцзюэ медленно отпустил руку мужчины и едва заметно кивнул:

— Понятно.

— Испугался? — мягко спросил Бэйван, вглядываясь в его лицо. — Теперь знаешь, что я способен лишить жизни.

— Я знаю лишь то, что ты сделал это ради меня.

Его голос прозвучал удивительно нежно. Чэнцзюэ поднял на него взгляд, полный безмолвной, пьянящей благодарности.

Заметив, что Бэйван в замешательстве пытается отстраниться, Чэнцзюэ перехватил его пальцы и медленно поднёс к своему лицу. Он прижался губами к широким костяшкам — тем самым, что совсем недавно были покрыты чужой кровью ради его спасения.

Его кожа всё ещё горела от жара, и это прикосновение мягких, горячих губ обожгло Бэйвана сильнее раскалённого железа.

— Цзюэюй... — хрипло выдохнул Бэйван.

Чэнцзюэ чуть приподнял веки, и едва уловимо, лукаво полуулыбнулся. Сердце Бэйвана пропустило удар и ухнуло куда-то вниз.

— Цзюэ... Цзюэюй.

— Я здесь.

— У тебя губы так горят... — Бэйван судорожно сглотнул, безуспешно пытаясь совладать с нахлынувшими чувствами. — Я... я позову лекаря. Пусть посмотрит тебя ещё раз.

Он попытался подняться, но тонкие пальцы Чэнцзюэ тут же вцепились в его ладонь, удерживая на месте.

— Не хочешь побыть со мной?

В голове Бэйвана словно взорвался пороховой склад. Разом позабыв обо всём на свете, он рухнул обратно на постель и истово закивал:

— Хочу! Буду с тобой!

Чэнцзюэ тихо, удовлетворённо выдохнул и, обхватив сильную руку мужчины обеими руками, утомлённо прикрыл глаза.

Бэйван замер, боясь даже вздохнуть.

Когда Чэнцзюэ ласково прижался горячей щекой к его предплечью, его собственное сердце заколотилось с такой силой, словно вознамерилось проломить рёбра.

У дверей спальни застыл незаметно вернувшийся Е Гуй.

Доносившиеся изнутри тихие голоса живо рисовали в его воображении более чем однозначные картины.

«Надо же... — ошеломлённо подумал тайный страж. — Его Высочество ради дела решил пожертвовать собой и лично пустил в ход очарование?»

У Е Гуя пересохло в горле, а к щекам прилил предательский румянец. В голове даже промелькнула кощунственная мысль: «Интересно, а у нашего грозного князя губы действительно такие мягкие, как описывают в романах?..»

Вовремя спохватившись, Е Гуй устыдился собственных фантазий. Не решаясь войти и нарушить этот интимный момент, он бесшумно развернулся и поспешил скрыться с глаз долой.

Спустя какое-то время вернулся Сяо Муцзы, увешанный многочисленными кулёчками и свёртками из Лавки сладостей «Запад города».

Шумно распахнув дверь, он уже открыл было рот, чтобы зычно доложить о прибытии, но Бэйван мгновенно предостерегающе вскинул руку, приказывая молчать.

Слуга осёкся и, спешно переведя дыхание, шёпотом пробормотал:

— Господин, я всё купил. Вот они, сладости.

Бэйван опустил взгляд на спящего Чэнцзюэ, который доверчиво приник к его плечу во сне, и тихо выдохнул:

— Оставь на столе. И убирайся.

<http://bllate.org/book/18210/1749282>